

**ЛЕОНИД
МИХАЙЛОВИЧ
МЛЕЧИН**

ЭРНСТ ГЕНРИ

Жизнь замечательных людей

Леонид Млечин

Эрнст Генри

«ВЕБКНИГА»

2023

Млечин Л. М.

Эрнст Генри / Л. М. Млечин — «ВЕБКНИГА», 2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04804-1

В нашей стране одни считали его приближенным Адольфа Гитлера, который вовремя одумался и порвал с фюрером, другие – британским офицером из Интеллидженс сервис. А за границей были уверены: он – не только крупный советский разведчик, но и аналитик, к которому прислушивается советское руководство... Книги Эрнста Генри, предупреждавшие об опасности нацистской Германии, о грядущих испытаниях, стали событием в предвоенном мире. Но кто такой этот Эрнст Генри? Его судьба – зеркало драматических событий XX столетия – полна невероятных приключений. И об этом в своей новой книге впервые рассказывает Леонид Млечин.

ISBN 978-5-235-04804-1

© Млечин Л. М., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая. Предвидение	10
Пасынки империи	10
Революция в России. И в Германии	13
Коммунистический интернационал молодежи	19
Еврейский Ренессанс	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Млечин Эрнст Генри

© Млечин Л. М., 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2023

Вместо предисловия

Несколько смелых решений определили его жизнь.

В 1919 году, в разгар Гражданской войны в России, он уехал из Москвы и добрался до Берлина, где – страстно увлеченный левыми идеями – присоединился к немецким коммунистам и до последнего вздоха сражался за те идеалы, в которые когда-то поверил.

Что бы произошло, если бы он остался в России? Он мог в 16 лет запросто погибнуть в кровавой Гражданской войне. А мог бы – с его темпераментом – стать заметным партийным работником или крупным советским журналистом и совсем молодым угодить в жернова Большого террора...

В начале 1933 года он срочно выехал из Берлина в Лондон к тяжело больной сестре и там обосновался.

А если бы он остался в Германии? Нацисты уже пришли к власти, и он как коммунист и еврей очень быстро оказался бы в концлагере. Шансов выжить было совсем немного...

Уже после войны, в конце 1946 года, он внезапно получил указание из Москвы сдать дела в советском посольстве в Лондоне и вернуться в Советский Союз. Он не видел родину почти три десятилетия. Плохо представлял себе советскую жизнь. Вернулся и через несколько лет оказался в тюрьме по сфабрикованному обвинению.

А если бы он остался в Лондоне? Одаренный человек с широкими познаниями, владевший и немецким, и английским как родным, он вскоре перебрался бы в Соединенные Штаты, где стал бы уважаемым профессором, писал толстые книги и прожил жизнь в комфорте и уважении.

Но Эрнст Генри не мог поступить иначе!

«Он напоминал иностранца, а не тамбовского уроженца, – таким его увидел коллега по «Литературной газете». – Он мало говорил, вел себя крайне сдержанно, был всегда гладко выбрит, с аккуратно подстриженными седыми усами. Лицо его было всегда спокойно и непроницаемо. Отвечал на приветствие холодно. Одевался просто и чисто, но элегантно: темные брюки со стрелкой, легкая шерстяная водолазка, галстука я на нем не видел, и пиджак – светлее брюк – с круглыми бортами».

Да, тамбовским уроженцем он точно не был, хотя именно этот город ему, оформляя паспорт, вписали в графу «место рождения».

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Николай Иванович Бирюков, освобождавший Будапешт, вспоминал:

«Ровно в час 9 мая 1945 года наступление, ведение огня и преследование бежавшего врага было прекращено. Над австрийской землей установилась тишина. Наступил первый день мира, кончился 1418-й день Великой Отечественной войны».

Никто не мог уснуть в эту ночь. Я – тоже. Опять и опять перед мысленным моим взором, как наяву, рисовалась стратегическая карта: Центральная и Восточная Европа, Балканы, стрелы ударов направлены через нашу границу на Киев, Ленинград, Москву. Это Гитлер начал пресловутый “Дранг нах Остен”, и германские механизированные корпуса вторглись на территорию Советского Союза...

Сейчас эта карта знакома каждому школьнику, изучающему отечественную историю. Мне же впервые довелось познакомиться с ней еще за два года до войны, после возвращения из республиканской Испании. Нет, я не проникал в святая святых германского Генерального штаба. Карта была напечатана в книжке, которую я купил в московском киоске. Книжку перевели с английского. Она называлась “Гитлер против СССР”.

Ее автор Эрнст Генри – блестящий журналист и публицист, не скрывая своих симпатий к стране социализма, писал о будущем нашем столкновении с фашизмом так просто, ясно,

убежденно, что ему нельзя было не поверить. Он ничего не придумывал, он оперировал только известными фактами. Ему было известно очень многое, и Генри умел это многое правильно сгруппировать и проанализировать. Сделанные им выводы я не раз вспоминал на войне, а вернувшись домой в сорок пятом, тотчас разыскал и перечитал эту книгу.

Не все, что предсказывал Эрнст Генри, сбылось. Однако и сегодня (точнее, особенно сегодня, так как мы можем сравнить) она читается с огромным интересом. Поражают и частности и общие положения.

Например, о предстоящей борьбе за Ленинград, о ленинградцах он писал: “Это люди особого склада; таких людей воспитывают только революции... Всякий, кто попытается напасть на Ленинград, наткнется на провод высокого напряжения. Это уже было однажды продемонстрировано в 1919 году”.

И подтверждено в 1941–1945 годах – можем добавить мы сегодня.

А вот что писал Эрнст Генри о будущей войне вообще:

“На грубую, чисто техническую стратегию фашизма социалистическая армия ответит еще более сильным оружием – укреплениями, танками, самолетами, подводными лодками. Морально, однако, она ответит таким гневом, таким взрывом всей внутренней и человеческой энергии высшего социального порядка, таким негодованием, что в языках пламени этого взрыва автоматическая армия агрессоров превратится в груды пепла”.

Далее Генри пишет о первой стадии войны, о бешено рвущихся на восток гитлеровских армиях. На второй стадии вступают в дело потенциальные резервы – экономические, социальные и чисто военные, и, конечно же, резервы духовной стойкости воюющих сторон. Соотношение сил изменилось, что начинает резко сказываться на всем протяжении от Балтийского до Черного моря. После этого исход борьбы уже predetermined, так как “Гитлер проиграл уже в тот момент, когда он остановился в первый раз”.

А вот как закончил Генри свою книгу: “Мир никогда еще не был свидетелем такого разгрома, какому подвергнутся гитлеровские вооруженные силы”».

Могу еще добавить, что Эрнст Генри оказался советским человеком, работавшим за границей, – Иваном Федоровичем Леонидовым. Об этом я узнал недавно, когда вручали ему орден Ленина».

Вот это, пожалуй, единственное, в чем генерал Бирюков ошибся. Звали автора той книги иначе. И орденом Ленина его не отметили.

Но с именем Эрнста Генри связаны истории и более масштабные.

Писатель Юрий Щеглов (Юрий Маркович Варшавер) пересказал то, что ему в давние времена поведал заместитель главного редактора «Литературной газеты» Артур Сергеевич Тертерян, много чего повидавший в жизни:

«В первые дни войны по приказу Сталина Поскребышев позвонил Берии и приказал: немедленно разыскать для Иосифа Виссарионовича книги Генри “Гитлер над Европой” и “Гитлер против СССР”.

Приказ Поскребышев отдавал тихим голосом, но жестко. Он звонил мне несколько раз, но таблетка нитроглицерина была всегда со мной! – тертеряновские глаза источали одновременно и доброжелательность, и угрозу. – Берия кинулся исполнять. Изданий нигде нет: ни в библиотеках, ни на руках. Бестселлеры Семена Николаевича вроде не запрещены, но держать их дома опасно. Никто из ближайшего кремлевского окружения не желал признаться, что книги Генри не видел даже издали, а не то что держал в руках! Поскребышев вечером матом покрыл всю Лубянку, чего никогда не делал, и еще раз матом – на рассвете. Там поняли, что дело плохо, и нашли. У Эрнста Генри отнять выдающиеся аналитические способности нельзя. Сталин искал в его книгах ответ на какие-то свои вопросы...»

Книги Эрнста Генри будут переизданы в новой России. Предисловие напишет академик Евгений Максимович Примаков, который руководил и внешней разведкой, и дипломатией, и всем правительством:

«Мне посчастливилось быть знакомым с автором этих книг, выдающимся журналистом, ученым, одним из самых сильных аналитиков, занимавшихся столь сложной проблемой – обстановкой, складывавшейся в Европе в результате грубого вмешательства в ее дела фашистской Германии. Автор мастерски показал за счет чего и при чьей помощи смог вырасти фашизм в Германии, как он смог встать над Европой, как он мог в качестве грозной силы выступить против СССР.

Я хотел бы подчеркнуть, что Эрнст Генри, или А. Леонидов, или Аркадий Лосев, или С. Ростовский был человеком, одновременно обладающим огромными знаниями и блестящим пером. Эти книги в мое время были широко известны. По ним учились. Но думаю, что они были полезны не столько в учебно-пропагандистском, сколько в политическом плане. Эти книги не могли не интересовать тех, кто в Советском Союзе принимал политические решения».

Известный писатель Борис Николаевич Полевой, Герой Социалистического Труда, двукратный лауреат Сталинских премий, автор знаменитой книги «Повесть о настоящем человеке», вспоминал, как пытался понять, кто такой Эрнст Генри:

«В юности своей всегда с уважением читал две Ваши книги, а потом в трагические военные годы, всегда, вспоминая Ваши книги, поражался, сколь точно удалось Вам предугадать трагическое разворачивание событий – до наступления на Ленинград и Киев, до неприступности Москвы.

А уж сколько догадок насчет Вашей личности мы строили! Начиная с того, что Вы один из одумавшихся и порвавших с Гитлером его приближенных, и кончая тем, что Вы – это один из английских офицеров, занимающийся Европой в Интеллидженс Сервис...

С восхищением перед Вашей космической прозорливостью жму Вам руку».

Уже в более поздние годы британские журналисты, откликаясь на его статьи в «Литературной газете», переживавшей тогда свой расцвет, уважительно писали: «Он не только известен на Западе двумя своими книгами, написанными под псевдонимом Эрнст Генри. Он своего рода советский Уолтер Липпман». Американец Уолтер Липпман по праву считается влиятельнейшим журналистом XX века. Ему было всего 25 лет, когда президент США Теодор Рузвельт назвал его «самым талантливым молодым американцем». Липпмана без преувеличения читала вся Америка, к нему прислушивался политический истеблишмент.

Британские журналисты ставили Эрнста Генри выше Уолтера Липпмана: «Разница состоит в том, что Эрнст Генри не только политический комментатор, но и одновременно был полуофициальным представителем власти. Так что его статьи заслуживают куда большего внимания, чем им обычно уделяют».

В декабре 1979 года лондонская леволиберальная газета *The Guardian* («Страж») сообщила ошеломительную новость: крупный британский искусствовед, хранитель Королевской картинной галереи Энтони Блант подал в отставку и отказался от, дарованного ему королевой Елизаветой II титула рыцаря.

Что стало причиной?

Энтони Блант, который прежде служил в британской контрразведке МИ-5, признался, что на самом деле с довоенных пор работал на советскую разведку. Лондонские газеты уверенно писали, что его советским связным был Эрнст Генри.

Другая лондонская газета *The Observer* («Наблюдатель») вышла с шапкой: «Рассекречен тот, кто руководил шпионской работой Энтони Бланта»: «Это бывший член ЦК Коммунистической партии Германии, который прибыл в Лондон в середине 30-х. Сейчас он живет в Москве

под именем Семена Николаевича Ростовского. Но его лучше знают как Эрнста Генри, чьи статьи печатают “Известия” и “Литературная газета”.

По нашим сведениям, Эрнст Генри в предвоенной Германии, исполняя поручение Коминтерна, занимался налаживанием отношений с социал-демократами. По его мнению, их отказ присоединиться к народному фронту сыграл роковую роль в приходе нацистов к власти.

Генри покинул Германию и два года путешествовал по Европе. Одна из поставленных перед ним задач – оценить силу антинацистских настроений в Германии. В 1936 году он получил должность в советском посольстве в Лондоне. Под дипломатическим прикрытием он должен был обеспечивать верную службу завербованных советской разведкой британских интеллектуалов.

Русские понимали, что с молодыми выпускниками лучших британских университетов, такими как Энтони Блант, Ким Филби, Дональд Маклин и Гай Бёрджес, должен работать не стандартный офицер НКВД. Эрнст Генри с его космополитическим прошлым – он чувствовал себя как рыба в воде в России, Германии или Англии, – с его опытом борьбы против нацистов представлялся очевидным выбором. Наверное, у него были и иные обязанности в резидентуре советской разведки в Лондоне».

Так кто же такой Эрнст Генри?

Автору и самому интересно найти ответ на этот вопрос.

Мой дедушка – земляк и почти ровесник Эрнста Генри. Мой отец полтора десятка лет редактировал очень популярную в Советском Союзе «Литературную газету» и с удовольствием печатал статьи Эрнста Генри, а в моем книжном шкафу стояла самая известная книга, написанная Эрнстом Генри.

Часть первая. Предвидение

Пасынки империи

Большую часть своей жизни Эрнст Генри прожил с выданными ему совершенно официально документами на имя Семена Николаевича Ростовского, родившегося в Тамбове в 1900 году. На самом деле он появился на свет 16 февраля 1904 года в Витебске в семье торговавшего льном купца и спичечного фабриканта Абрама Хентова, которого чаще именовали Аркадием. И назвали мальчика Леонидом Хентовым.

Составляя автобиографию, он написал: «Настоящие имя, отчество и фамилия – Леонид Абрамович Хентов. С 1922 года проживаю по паспорту, выданному тогда по линии Коминтерна через берлинское полпредство на имя Ростовского Семена Николаевича (позднее обновленному лондонским посольством). В 1920–1922 гг. имел и другие паспорта и документы в процессе подпольной работы».

Паспорта, как и другие документы, в ту революционную эпоху не имели никакого значения. Имена и фамилии постоянно меняли – по разным причинам. Одним выдавали документы прикрытия – для исполнения секретной миссии. Другие в подполье привыкли к псевдонимам, которые становились фамилиями. Третьи поправляли родителей и избавлялись от неблагозвучных имен и отчеств... В историю он вошел как Эрнст Генри. Так мы и станем его именовать.

В семье было десять детей. Все кроме него – девочки. В каком-то смысле совсем неплохо: сестры заботятся о маленьком брате. И даже балуют.

В семь лет он сел за школьную парту. Учился в Витебской Александровской мужской гимназии. Обучение в ней стоило денег и не всем было доступно. Но дела его отца шли вполне прилично, и он мог оплатить образование своих детей.

Когда мальчика приняли, в гимназии обучались 644 ученика, из них 435 православного вероисповедания, 77 – католического, 103 – иудейского. В гимназии была хорошая библиотека и музей естественной истории. Но доучиться не удалось. Когда вспыхнула революция, учебное заведение закрыли, а в его здании разместился Детскосельский военный госпиталь. А в мае 1920 года здесь будет развернут временный пункт управления Западного фронта, которым командовал будущий маршал Михаил Николаевич Тухачевский...

Что на школьной скамье изучал Эрнст Генри? Вот предметы гимназического курса: закон Божий; русский язык с церковно-славянским и словесность; логика; риторика; математика; физика; химия; история; география; польский, французский и немецкий языки, латынь. Причем всем предметам в старой России учили основательно, гимназической латыни хватало на всю жизнь. Поучиться в университете у Эрнста Генри из-за революции не получится. Но гимназическое образование, полученное в Витебске, позволит ему в дальнейшем чувствовать себя на равных с профессорами и докторами наук. Они с карандашом в руках станут штудировать его книги и статьи.

Особенно легко Эрнсту Генри давались гуманитарные предметы и иностранные языки, что очень скоро откроет ему мир. Юноша рано пристрастился читать газеты. И в нем проснулась страсть к изложению своих мыслей на бумаге.

Отчего именно город Витебск, расположенный на обоих берегах Западной Двины и впадающей в него речки Витьба, да и другие городки и местечки Западного края Российской империи подарили миру так много талантов? Может быть, от того, что сам город Витебск был красивый, веселый, живой? И это богатство красок с юных лет впитывали родившиеся

здесь живописцы. Если единственный мальчик в семье тяготел к слову, то одна из его старших сестер – Полина Хентова – стала заметным художником.

Особенно живописен город был весной, когда расцветали вишни и яблони. Садов было много, и весной казалось, точно город окутан пуховыми облаками. Осенью радовал аромат яблок, антоновки, приобретавшей поздней осенью какую-то неповторимую янтарную окраску и чудесный вкус... В Витебске было тогда одиннадцать библиотек, два театра, музей, кинотеатр, цирк, симфонический оркестр, три типографии, три литографических мастерских, семь фотоателье...

Того старого Витебска, где родился Эрнст Генри, давно нет. Он почти полностью сгорел во время Великой Отечественной. И моя тетька, школьная учительница, вернувшись после войны в город не смогла найти не только дом, где выросла, но даже улицу, на которой он стоял. Но город чудом сохранился. Прежде всего на полотнах земляка Эрнста Генри – знаменитого Марка Шагала. А рядом, в Двинске¹ родился другой замечательный живописец – Марк Ротко. И совсем неподалеку – если взглянуть на карту Российской империи – художники Леон Бакст, Хаим Сутин и Наум Габо. Этот великолепный список – свидетельство того, что в тех местах возникла критическая масса талантов, необычная концентрация одаренных индивидуально-стей, создававшая редкостную творческую атмосферу.

В Северо-Западном крае Российской империи, в черте оседлости, там, где разрешалось жить евреям, произошел мощный выброс творческой энергии. Больше половины жителей Витебска, где родился и вырос Эрнст Генри, были евреями. И многие воспринимали его именно как еврейский город.

Марк Шагал даже говорил:

– Если бы я не был евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником.

Если бы не первый раздел Польши, евреев в России вовсе бы не было. Но присоединив к своей империи в XVIII веке немалую часть Польского королевства, императрица Екатерина II обрела и еврейских подданных. Им было обещано равенство в правах, но они его так и не дождались.

Евреи в силу давних религиозных предрассудков воспринимались в империи как нежелательный элемент. Ведь только в XX веке II Ватиканский собор убрал из церковных текстов упоминания о вине еврейского народа за распятие Иисуса Христа. 28 октября 1965 года католическая церковь приняла декларацию, осуждающую все проявления антисемитизма и подчеркивающую, что ни древние, ни современные евреи не несут ответственности за смерть Христа. И лишь в 1987-м папа Римский Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) впервые посетил римскую синагогу и, беседуя с главным раввином Рима, назвал иудеев «старшими братьями христиан».

Долгое время евреи жили в своих местечках в Российской империи обособленно. Власть это не устраивало. Правительственный указ от 1845 года предписал евреям отказаться от традиционной одежды и одеваться, как все. Обучение русскому языку уменьшило изоляцию еврейских местечек. Разрушение традиционной еврейской общины вело к вовлечению евреев в общую жизнь России. Они принялись учить русский язык и получать образование. Но устроить свою жизнь евреям было трудновато. Без перехода в православие дорога на государственную службу закрыта, военная карьера невозможна. Занятие земледелием исключалось – иудеям не разрешали покупать землю. Работать в промышленности нельзя, поскольку запрещалось селиться в крупных городах, где строились заводы. Основная масса евреев существовала в беспроектной нищете, перебивалась ремесленничеством, кустарничеством, мелкой торговлей.

¹ До 1893 г. город именовался Динабургом, затем Двинском, а с 1920 г. Даугавпилсом, ныне это второй по величине город Латвии.

Отсюда и пошло представление о евреях как о торгашах, которые ни к чему другому не пригодны. Но оставались еще медицина, наука, культура и искусство...

Благодаря сестре Полине Эрнст Генри очень рано узнал имена родившихся по соседству мастеров, которые вскоре прославились на весь мир.

Дабы получить образование, пасынки империи уезжали за границу. Марку Шагалу повезло – выдающийся российский юрист и депутат Государственной думы Максим Моисеевич Винавер назначил юному живописцу стипендию, на которую в 1911 году Шагал уехал в Европу – учиться и работать.

Марк Ротко, ныне один из самых дорогих художников в мире, появился на свет в городе Двинске, в Витебской губернии. Маркус Янкелевич Роткович – так его тогда звали – учился в хедере (еврейской религиозной школе), изучал иврит и тору, первые пять книг канонического еврейского Священного Писания. Потом семья перебралась в Соединенные Штаты. «Трагический опыт катарсиса есть единственный источник любого искусства, – писал сам Марк Ротко. – Мои картины – это непредсказуемое путешествие в неизвестный мир. Скорее всего, зритель предпочел бы в него не отправляться».

Один из основоположников модернизма и основателей конструктивизма, скульптор и архитектор, создатель нового пластического языка Наум Габо появился на свет в городе Брянске. Юным уехал за границу. Родители отправили его учиться медицине в Германию. Он не захотел стать врачом, перешел в Высшее техническое училище в Мюнхене, но увлекся философией и историей искусств. Он не получил художественного образования. Но это ему не помешало.

Хаим Сутин появился в местечке Смилович Минской губернии в бедной семье, где было одиннадцать детей. Он с раннего детства хотел рисовать! Убежал из дома в Минск, чтобы учиться живописи. Перебрался в Вильно, где записался в Школу изящных искусств, а потом отправился в Париж. Во Франции расцвел его талант.

Леон Бакст – псевдоним Лейба-Хаима Израилевича Розенберга, родившегося в Гродно. Это также черта оседлости. Но его дедушка поставлял сукно русской армии и приобрел право жить в столице. Он перевез внука в Санкт-Петербург, помог ему стать вольнослушателем Императорской Академии художеств. Бакст стал знаменитым портретистом. Петербургский журнал «Столица и усадьба» писал: «Сейчас Бакст – один из наиболее популярных художников, спрос на него громадный. Рассказывают, что с восьми часов утра к нему трезвонят беспрестанно по телефону поклонники, интервьюеры дежурят часами у его дверей». Но в 1909 году Леона Бакста выслали из Петербурга как еврея, не имеющего права жить в столице. На следующий год он отправился в Париж.

Судьбы у этих мастеров – соседей Эрнста Генри – разные. Одно их объединяет. Они появились на свет в старой России, где им не были рады. Пасынки империи, они покинули родные места и нашли приют в более благоустроенных краях. Поэтому в их распоряжении всегда были хорошие краски и хороший холст, и у них была возможность творить. Им не пришлось, как тем, кто остался в родных краях, в худшем случае рисовать начальника лагеря, а лучшим, сидя на собраниях, внимать малограмотным партийным секретарям.

Не только данный им от бога талант, но и нечто увиденное, впитанное и осознанное в детстве, проведенном в черте оседлости в Северо-Западном крае Российской империи, определило их невероятный успех.

«Здесь ваши могилы, – писал Марк Шагал. – Ваши надгробия. Заборы, мутная речка, утоленные молитвы – все перед глазами. Слова не нужны. Все во мне: то притаится, то зашевелится, то взметнется, как память о вас».

Прошлое не умирает. И Эрнст Генри всю жизнь будет искать в прошлом объяснения происходящему на его глазах.

Революция в России. И в Германии

Эрнст Генри вспоминал: «В 1914 году отец, уехавший по делам своего льняного дела в Гамбург, был с момента возникновения Первой мировой войны интернирован немцами. И с того времени навсегда застрял за границей. Мать, психически заболевшая еще в 1909 или 1910 году, так и осталась в психической лечебнице до своей смерти в Москве в 1924 году».

Какие печальные строки! Мальчик очень рано лишился матери. И надолго расстался с отцом. Конечно, в ту пору дети выросли быстрее, но все равно тяжело остаться без родителей.

Первая мировая война вспыхнула как-то незаметно. Никто не верил, что она начнется, и Аркадий Хентов не успел вернуться из Германии в Россию. Как только 1 августа 1914 года началась война несколько тысяч подданных Российской империи, находившихся волею судеб на территории кайзеровской Германии оказались враждебными иностранцами, которых унижали при каждой возможности.

Оставшиеся без родителей дети прожили военные годы самостоятельно, привыкая принимать трудные решения. Они видели: по мере того как война затягивалась, в обществе накапливалось раздражение и недовольство. В начале 1917 года оно выплеснулось на тех, кто символизировал власть – на императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. Император отрекся от престола, империя рухнула. Власть перешла к Временному правительству. Временное – потому, что оно собралось управлять страной лишь до созыва Учредительного собрания, которому предстояло определить государственное устройство России, принять законы и одобрить новое правительство.

Эрнст Генри: «Я остался на попечении старших сестер в крайне стесненных материальных условиях, так как коммерческое дело отца было ликвидировано, и оставленных денег едва хватало. После Февральской революции я с сестрами Полиной и Минной переехал в Москву и продолжал учиться в гимназии (тогда в Хлебном переулке).

Заинтересовался политикой будучи гимназистом. С апреля или мая 1917 года начал регулярно читать “Правду” и московский “Социал-демократ”, ходил в помещение МК и Московского областного бюро в Капцовском училище за литературой».

От рождения Эрнст Генри тонко чувствовал и был равнодушным к страданиям других людей. Это вовлекло его в революционную деятельность.

Заинтересовавший его «Социал-демократ» – ежедневная газета, издававшаяся московскими большевиками с марта 1917 года. Ровно через год, когда советское правительство и ЦК партии большевиков спешно переехали из Петрограда в Москву, «Социал-демократ» объединили с главным печатным органом – газетой «Правда». Редакция газеты, за которой ходил Эрнст Генри, как и Московский комитет большевиков, расположились в Леонтьевском переулке в здании городского мужского начального училища, основанного в 1892 году на пожертвования купца Александра Сергеевича Капцова.

Думаю, что я понимаю, почему юного Эрнста Генри так влекла к себе революция и почему он тянулся к большевикам. Мой дедушка, Владимир Михайлович Млечин, тоже родился в Витебске – на три года раньше Эрнста Генри. Он в шестнадцать лет (в те годы рано выросли!) присоединился к большевикам и впервые взял в руки винтовку, в восемнадцать – вступил в Красную армию. Вот, как Владимир Млечин на склоне лет вспоминал себя тогдашнего: «Жил бесстрашно, верил в завтрашний день, в грядущий день. Что значили невзгоды перед лицом мировой революции, в атмосфере энтузиазма и непреклонной силы веры? Вот-вот начнется царство социализма на земле.

Величайшим пороком считалось лицемерие, иезуитство, макиавеллизм – грехами смертными. Чинопочитание, низкопоклонство, холуйство наказывалось общественным презрением. Не было различия между “эллином” и “иудеем”. Мы верили, как первые христиане».

Февральская революция и по сей день считается всего лишь прелюдией Октября. Но именно Февраль избавил страну от архаичной системы управления. Временное правительство объявило амнистию по всем делам политическим и религиозным, свободу союзов, печати, слова, собраний и стачек. Отменило все сословные, вероисповедные и национальные ограничения. Начало подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания.

Прекратилась дискриминация евреев. Полина, сестра Эрнста Генри, вступила в Московское отделение Еврейского общества поощрения художеств, занимавшегося просветительской деятельностью, и вместе с чудесным художником Эль Лисицким – в кружок еврейской национальной эстетики «Шомир». Она выставляла свои работы, в основном портреты. В 1918 году ее приняли в Московский профессиональный союз художников-скульпторов.

Временное правительство сразу же оказалось со всех сторон под огнем яростной критики. Это была первая власть в России, которая позволяла себя как угодно оценивать – и не карала за это. И все теперь разносили новых руководителей страны в пух и прах. Февраль очень скоро привел к Октябрю, когда большевики совершили военный переворот и взяли власть. В Петрограде, где свергли Временное правительство, практически обошлось без крови. А москвичи оказали сопротивление. Большевики открыли огонь из пушек по Кремлю, гибли люди. Это происходило на глазах Эрнста Генри. Он вспоминал: «Мальчиком, стоя у ворот дома № 51 на Арбате в Москве, я наблюдал за перестрелкой красногвардейцев с юнкерами Александровского военного училища».

Новая власть жестоко подавила сопротивление и начала переустраивать жизнь страны. Большевики твердо взяли курс на административно-плановую экономику с отказом от частной собственности. Национализация и введение военного коммунизма привели к самому крупному крушению экономики в истории. Промышленное производство обвалилось, начался голод, население побежало из городов. Эрнст Генри: «Материальные условия семьи продолжали ухудшаться, и в 1918 году я с сестрами уехал от голода в Киев, оккупированный тогда немцами (правительство Скоропадского). Тогда мне было 14 лет».

Молодые люди приняли решение, которое в ту пору многим москвичам казалось спасительным, – бежать от голода и разрухи на Украину, в ту пору мирную и хлебную. Кто такой Скоропадский? 29 апреля 1918 года в Киеве открылся Всеукраинский съезд хлеборобов. На съезд приехал тот, кого давно ждали и с кем связывали большие надежды – генерал-лейтенант царской армии Павел Петрович Скоропадский. Его встретили аплодисментами и провозгласили на староукраинский манер гетманом всея Украины.

Гетману было 45 лет. Владелец крупных поместий в Черниговской и Полтавской губерниях, Павел Скоропадский окончил Пажеский корпус, кавалергард, командир лейб-гвардии Конного полка, генерал-майор Свиты Его Величества. В Первую мировую командовал 5-й кавалерийской и 1-й гвардейской кавалерийской дивизиями, XXXIV армейским корпусом. 1 января 1916 года получил погоны генерал-лейтенанта, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

После Февральской революции Павел Петрович не хотел оставаться в стороне от большой политики. В марте 1917 года казачий съезд образовал организацию под названием *Українське Вільне Козацтво*, а октябре открылся съезд украинских вольных казаков. Возглавил казаков в качестве генерального атамана командир I Украинского армейского корпуса генерал-лейтенант Павел Скоропадский. Его соратник полковник Иван Вуколович Полтавец-Острианица стал генеральным хорунжим. Украинское вольное казачество – это было что-то вроде добровольной военизированной милиции, занимавшейся наведением порядка и борьбой с бандитизмом.

Съезд хлеборобов постановил: «Для спасения страны нам необходима сильная власть. Нам необходим диктатор – согласно старинным обычаям – гетман».

Председательствующий объявил:

– Слово предоставляется ясновельможному пану гетману Скоропадскому.

– Господа! Искренне благодарю вас за предложенную власть, – сказал Павел Петрович. – Не для собственной выгоды беру ее на себя, а для прекращения анархии принимаю эту власть от вас. На вас и на благородные слои населения я буду опираться. Молю бога, чтобы он помог мне спасти Украину от крови и гибели, перед которой она стоит.

Скоропадский объявил об образовании Украинской державы.

Генерал Петр Николаевич Врангель вспоминал, как он прибыл в Киев, чтобы увидеть Скоропадского. Гетман занял дом генерал-губернатора. «В приемной, – писал Врангель, – мне бросился в глаза какой-то полковник с бритой головой и клоком волос на макушке, отрекомендовавшийся полковым писарем Острица-Полтавец. Он говорил исключительно на “украинской мове”, хотя и был кадровым русским офицером». Его настоящая фамилия Полтавцев, но он утверждал, что по материнской линии происходит от гетмана Острица, поэтому взял себе двойную украинизированную фамилию.

На Украину в те месяцы Гражданской войны устремились те, кто бежал от советской власти. В Москве на Рождественском бульваре выстроились длинные очереди ходатайствующих о разрешении выехать на Украину. Правда, следовало доказать свое украинское происхождение, что было затруднительно – не каждому в революционной суматохе удавалось найти нужные документы.

Граница Советской России и самостоятельной Украины проходила через Оршу. Пассажирская станция – советская территория, товарная – украинская.

«Я не буду описывать ни тех впечатлений, ни того настроения, которое охватило меня при путешествии по Украине, – вспоминал жандармский генерал-майор Константин Иванович Глобачев, последний начальник Петроградского охранного отделения. – Они всякому понятны, кто побывал под режимом большевиков и вырвался из этого сумасшедшего дома. Но всякому было ясно, что режим держится, пока на территории Украины немецкие штыки».

«Киев переполнен, – рассказывал бывший офицер Белой армии Роман Борисович Гуль. – Особенно много беженцев из Совдепии. Шумящие улицы пестрят шикарными туалетами дам. Элегантные мужчины, военные мундиры. Битком набитые кафе, переполненные театры, музыка, гул, шум... Но в этом чаду ощущается какая-то торопливость, предчувствие неминуемого конца. Как будто веселящиеся люди чувствуют за собой погоню».

Тем временем Первая мировая война завершилась, и находившиеся на территории Германии российские граждане перестали быть врагами. Независимая Украина к тому же подписала договор с Берлином, Германия признала правительство гетмана Скоропадского.

В сентябре 1918 года гетман провел в Берлине почти две недели. Ему устроили торжественную встречу. Кайзер Вильгельм II заверил его, что Германия непоколебимо поддерживает независимость Украины. Скоропадский рассчитывал на поддержку Германии, которой нужна сильная Украина, – как противовес и России и Польше. На территорию Украины вошли части кайзеровской армии.

Полина, сестра Эрнста Генри, в Киеве участвовала в работе «Культур-Лиге» (в переводе с идиш – Лига культуры), объединения еврейских художников и писателей, цель которых было развитие образования, литературы и театра на языке идиш, а также еврейской музыки и изобразительного искусства. Идиш – язык европейских евреев.

В Лигу входили люди, которые станут знаменитыми – Эль Лисицкий, повсюду следовавший за Полиной, театральный художник Александр Тышлер, художник Абрам Маневич, который вскоре уехал в Англию, а оттуда в США. А еще талантливый поэт и прозаик Перец Маркиш и чудесный детский поэт Лев Квитко – обоих как членов президиума Еврейского антифашистского комитета в 1949 году арестуют, а в 1952-м расстреляют. К этому времени Эрнст Генри вернется на родину, и все эти трагические события будут происходить на его глазах.

Эрнст Генри: «Отец, живший в Берлине (уже освобожденный от гражданского плена), вызвал нас, и в конце 1918 года я с сестрами уехал в Германию по паспортам, выданным тов. Мануильским, тогда советским представителем в Киеве». Дмитрий Захарович Мануильский, который станет потом секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала (то есть объединения компартий всего мира), в апреле 1918 года был командирован в Киев для переговоров с гетманским правительством – вместе с видным большевиком и будущим главой правительства Советской Украины Христианом Георгиевичем Раковским (его расстреляют осенью 41-го как сторонника Льва Давидовича Троцкого).

Эрнст Генри покинул Украину, когда режим Скоропадского уже рушился. Власть гетмана на Украине оказалась недолгой. В ноябре 1918 года Германия признала поражение в Первой мировой, и грянула революция. Немецкие войска ушли из Украины. 14 декабря Скоропадский отрекся от власти и бежал из Киева. Гетман прожил остаток жизни в Германии, сотрудничал с гитлеровцами. Он был смертельно контужен по время англо-американской бомбардировки небольшого баварского городка Платтинг в самом конце войны и скончался 26 апреля 1945 года.

Когда немецкие войска покидали Украину, они брали с собой тех, кто желал перебраться в Германию. Поезд с Украины шел три недели.

Какую Германию увидел молодой Эрнст Генри?

Прежде всего голодную.

Первая мировая война перевела продовольственный вопрос в разряд политических. Блокада кайзеровской Германии французским и британским флотом привела к тому, что немцы почти голодали. Экономика Германии не могла существовать без импортных поставок. Немецкие крестьяне не в состоянии были накормить страну.

Эрнст Генри быстро освоил немецкий язык, и немцы говорили с ним, как со своим. Рассказывали, что в войну дети страдали от рахита – результат недостаточного питания. Берлинский доктор Курт Гульдчински обратил внимание на бледность своих юных пациентов, они совсем не видели солнца. Он взял ртутно-кварцевую лампу и стал облучать ею четырех детей. Вскоре с удовлетворением отметил, что состояние костной системы его пациентов улучшилось. Летом он всем прописал солнечные ванны.

Эрнст Генри видел, как по всей Германии детей, которых не могли накормить досыта, усаживали перед кварцевыми лампами. Потом выяснилось, что ультрафиолетовое излучение помогает вырабатывать витамин D, участвующий в синтезе и усвоении кальция, а это кирпичики, из которых строится костная система. Так кварцевые лампы стали использовать для искусственного загара.

Отцовские дела Эрнста Генри мало интересовали. И не потому, что давно не виделись, и не потому, что после такого перерыва восстановить близкие отношения непросто. Молодой человек был увлечен революцией, которая совершалась на его глазах!

Немецкие войска осенью 1918 года потерпели поражение и утратили боевой дух. Но поражение в Первой мировой войне оказалось совершеннейшей неожиданностью для немцев. Странным образом до самых последних месяцев население Германии пребывало в уверенности, что войска кайзера побеждают. Немецкие сообщения с фронта утаивали правду до октября 1918-го и держали собственное население в неведении. После этого конец наступил так быстро, что лишь немногие немцы смогли свыкнуться с мыслью о поражении Германии. Четыре года изматывающей войны истощили империю. Осенью 1918 года первыми восстали военные моряки, они требовали мира и брали власть в портовых городах. 4 ноября портовый город Киль оказался во власти Совета рабочих и матросов. Повсюду взвивались красные флаги. Как и в России, вспыхнула революция. Движущей силой были разочарованные люди в военной форме. У офицеров кайзеровской армии срывали погоны и отбирали оружие. 5 ноября революция победила в Любеке, 6 ноября – в Гамбурге, затем – в Бремене, Ганновере, Лейп-

циге, Штутгарте и Мюнхене. 9 ноября революция достигла Берлина. Обер-бургомистр Кельна и будущий первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр, опасаясь революционной стихии, распорядился вылить в Рейн все городские запасы алкоголя – сто тысяч литров. В Берлине немецкие рабочие пришли к Рейхстагу с требованием немедленного мира. С балкона к ним обратились лидеры социал-демократов Филипп Шейдеман и Фридрих Эберт. Они обещали остановить войну, подписать мир и провозгласили Германскую республику.

Казалось, побеждают крайне левые, как и в России. В Москве торжествовали: наконец, Европа запылала! Советские вожди мечтали о соединении русской и немецкой революций. Две крупнейшие континентальные державы сообща смогли бы решать судьбу всех остальных европейских стран, в первую очередь Франции, где революционные силы тоже были на подъеме.

В Берлине пламенный оратор и лидер левых социал-демократов Карл Либкнехт призывал сограждан:

– День революции наступил! Мы добились мира. Мы должны напрячь все силы, чтобы образовать правительство рабочих и солдат и создать новый государственный строй пролетариата, строй мира, счастья и свободы.

Социал-демократы отменили цензуру, разрешили свободу собраний и союзов, объявили амнистию по политическим делам, пообещали восьмичасовой рабочий день, избирательное право для женщин, отделение церкви от государства. Эрнст Генри восхищенно наблюдал за происходящим – каждый день невероятные новости.

Но Ноябрьская революция в Германии не была социалистической, это была буржуазная революция, и радикализм Карла Либкнехта, возглавившего Компартию, не соответствовал представлениям и желаниям большинства немцев. Новое правительство в Берлине больше всего боялось левых радикалов, которые поднимали восстания от Силезии до Рурской области.

На глазах Эрнста Генри войска по приказу германского военного министра 12 января 1919 года пустила в ход артиллерию и овладела Берлином. Искали признанных вождей левого движения Розу Люксембург и Карла Либкнехта. Вечером 15 января их выследили и доставили в штаб гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. Потом Эрнст Генри узнает, что тогда произошло. После короткого допроса арестованным сказали, что их отправят в тюрьму Моабит. Когда Карл Либкнехт вышел на улицу, солдат Отто Рунге дважды сильно ударил его по голове прикладом винтовки, затем его добили и сдали тело как неопознанный труп на станцию скорой помощи. Через несколько минут вывели Розу Люксембург. Рунге и ее ударил прикладом. Потерявшую сознание женщину втащили в автомобиль и контрольным выстрелом в голову покончили с ней. Тело сбросили в канал. В официальном сообщении говорилось, что обоим пришлось застрелить «при попытке к бегству». Со временем это станет популярной формулой.

Эрнст Генри еще не сознавал, что смерть двух пламенных политиков – тяжелый удар для только что созданной немецкой Компартии и конец восстания. Германия не станет социалистической вслед за Россией.

Летом 1919 года Эрнст Генри оказался в курортном городке Кранц близ Кёнигсберга². На мгновение он вырвался из революционной стихии, но быстро вернулся. Он сотрудничал в газете *Junge Garde* («Молодая гвардия»), которую выпускал немецкий комсомол – Свободная социалистическая молодежь, призывавшая к установлению в стране диктатуры пролетариата. Первый номер газеты вышел 27 ноября 1918 года. В сентябре 1920 года Свободная социалистическая молодежь стала называться Коммунистическим молодежным объединением Германии.

² Ныне это город Зеленоградск в Калининградской области Российской Федерации.

Эрнст Генри: «В Германии я продолжал интересоваться политикой и с 1919 года организационно связался с германским комсомолом (группой “Юнге гарде”) и Коммунистическим Интернационалом молодежи, исполком которого пребывал тогда в Берлине; в частности с членом исполкома тов. Альфредом Курелла, которого я вновь встретил в 1943 году в аппарате тов. Мануильского в Политическом управлении Красной Армии. Я проработал для них материалы о русском комсомоле».

Молодой человек с политическим темпераментом не мог остаться в стороне.

Коммунистический интернационал молодежи

Эрнст Генри слишком рано уехал из Москвы! Российский комсомол, Коммунистический союз молодежи создавали без него. Всего в Москве 29 октября 1918 года собрались 176 человек. Открывая заседание, Ефим Викторович Цетлин, председатель оргбюро по созыву I съезда, выразил твердую надежду, что за российским съездом в самом скором времени последует международный. Кто из молодых большевиков сомневался в ту пору в мировой революции? Зал откликнулся аплодисментами. «Смуглый, с черной копной волос, невысокого роста, в косоворотке, Ефим Цетлин производил впечатление простецкого парня, – таким он запомнился товарищам по комсомолу. – Глядя прямо в лицо собеседнику светлыми, лучистыми, одобряющими глазами, он слушал внимательно». Делегаты, представлявшие различные организации, возникшие после революции, проголосовали за создание единого Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). Желающих выступить оказалось немало, и съезд работал до 4 ноября. В тот же день избрали Центральный комитет из семи человек и президиум ЦК – Ефим Викторович Цетлин, Оскар Львович Рывкин и Николай Николаевич Пеньков.

В программе РКСМ записали: «Союз молодежи выражает свою полную солидарность с Российской Коммунистической партией (большевиков). Союз ставит себе целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России». Но оговорили организационную самостоятельность комсомола: «Контроль партии над Союзом не должен носить характера опеки, мелочного вмешательства».

Ефим Цетлин, родившийся в Могилеве, учился в Высшем техническом училище и руководил Московским Союзом рабочей молодежи. Цетлина избрали первым председателем ЦК РКСМ. Но уже в декабре комсомол возглавил Оскар Львович Рывкин. Цетлин остался товарищем (заместителем) председателя. С ноября 1920 по декабрь 1922 года он руководил столичным комсомолом и на IV съезде выступал с отчетным докладом ЦК. Он покинул комсомольскую работу в самом конце 1922 года. Ему было 24 года...

В 1918 году, когда Эрнст Генри уехал в Германию, в комсомоле состояло всего двадцать с лишним тысяч молодых людей. Попытка большевиков построить коммунизм разрушила экономику. Заводы закрывались, в городах – безработица. Помочь с работой комсомол не мог, и большого интереса не вызывал. Главная партийная газета «Правда» жаловалась на пассивность молодежи: «В лучшем случае она устраивает “пролетарские танцульки”, а в худшем случае – разгуливает голодная, рассуждая с точки зрения голодного желудка... Но союз не хочет, не должен умереть!»

А в Германии Эрнст Генри переводил на немецкий документы российского комсомола и передавал немецким товарищам. Тем временем в Германии началась контрреволюция, порожденная страхом перед событиями в России, охваченной Гражданской войной.

В марте 1919 года прусский министр народного просвещения обратился к учащейся молодежи с открытым письмом: «Добровольцы, вперед! Поток большевизма грозит прорвать на востоке наш защитный пограничный вал. Гидра анархии и гражданской войны поднимает голову внутри страны. Спаси свое отечество, немецкая молодежь! Вы должны помочь правительству поддержать порядок. Вступайте в добровольческие отряды! Защищайте культурное наследие своих предков, спасайте свое будущее!»

Немецкая революция была быстро подавлена. Она началась спонтанно, и не существовало хорошо организованной и популярной партии, способной ее возглавить.

Заключение мира, который прекратил Первую мировую войну, отметил для себя Эрнст Генри, вызвало у немцев не радость и чувство облегчения, а гнев, возмущение и ненависть к тем, кто допустил поражение германской армии, и страстное желание отменить позорный мир и все вернуть назад. Эта ненависть к миру, который спас столько жизней, многое объясняет в

истории Германии XX столетия. Поражение в войне и революция были восприняты как позор, который можно смыть только кровью. Вину возложили на либералов, коммунистов как агентов России и евреев как агентов Запада.

Эрнст Генри не ощущал себя в Германии чужим, потому что немецкие коммунисты и комсомольцы стремились к мировой революции, которая уничтожит все границы, и искали опору в Москве, где создали объединение всех коммунистических партий – Коммунистический Интернационал (Коминтерн).

В марте 1919 года прошло первое заседание Исполкома Коминтерна. Его возглавил член Политбюро ЦК и хозяин Петрограда Григорий Евсеевич Зиновьев. Годы эмиграции он провел вместе с Владимиром Ильичом Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Более близкого человека у них не было. Зиновьева именовали оруженосцем Ленина, потому что он безоговорочно признавал правоту старшего товарища, когда другие социал-демократы спорили с Владимиром Ильичом. На съездах партии, когда голосовали за членов Центрального комитета, Зиновьев получал больше всех голосов после Ленина.

В те годы должность главы Коминтерна имела особое значение. Партия большевиков считалась всего лишь одной из секций Коминтерна, таким образом Зиновьев формально оказался руководителем всего мирового коммунистического движения.

Григорий Зиновьев провел через Политбюро ЦК партии (в него входило всего несколько человек, определявших всю жизнь страны) решение:

«а) открыть III Интернационалу кредит в 1 000 000 рублей;

б) перевести отдел советской пропаганды и все иностранные коммунистические группы в ведение III Интернационала;

в) поручить Коминделу предоставлять III Интернационалу право пользоваться радио».

Договорились проводить заседания Исполкома Коминтерна два раза в месяц по воскресеньям, а заседания Бюро – три раза в неделю в 10.30 утра.

Параллельно с Политбюро в Кремле существовало еще и Организационное бюро (оргбюро) ЦК партии большевиков, занимавшееся главным образом подбором и расстановкой кадров и всеми текущими партийными делами.

В протокол заседания Оргбюро ЦК записали:

«Слушали:

Заявление III Интернационала о средствах, помещении, автомобилях и т. д.

Постановили:

Выдать из средств ЦК один миллион, а все остальные вопросы передать в Президиум ВЦИК».

В мае 1919 года вышел первый номер центрального органа Исполкома Коминтерна – журнала «Коммунистический Интернационал», в котором будет печататься Эрнст Генри. Журнал поначалу выходил на русском, немецком и французском языках, затем появился и английский выпуск.

А немецкие радикальные революционеры, основавшие «Союз Спартака», вместе с другими крайне левыми провели 30 декабря 1918 года свой съезд. 1 января 1919 года они приняли решение образовать Коммунистическую партию Германии. Сразу попросили помощи у советских товарищей.

В Москве Ян Антонович Берзин, секретарь Исполкома Коминтерна, писал Зиновьеву относительно денег для компартий:

«Дорогой Григорий!

Переговорив с Владимиром Ильичом, мы пришли к заключению, что 5 млн мало, что нужно увеличить отправляемую сумму до 20 млн франков (приблизительно – 1 млн фунтов стерлингов)... Сегодня Елена Дмитриевна поедет в Питер и привезет Вам деньги и ценности.

Известную часть (скажем, половину) нужно сохранить как запасной фонд, остальные – немедленно распределить между коммунистическими и левосоциалистическими группами Зап. Европы и Америки, причем спартаковцам нужно дать сразу же крупную сумму (несколько миллионов) – они давно просят».

Деньги немецким коммунистам выделены. Инструкции и советы подготовлены. Но как наладить связь? Германию и Россию разделяет только что созданная Польша, а с Польшей Красная армия ведет войну. Нужны надежные курьеры, и не обычные посыльные, а люди бесстрашные, уверенные в себе и даже, пожалуй, авантюрного склада. Боязливый и просто осторожный человек такую миссию не примет: опасно! Поймают – и если не пулю получишь, то за решетку точно угодишь.

А на глазах Эрнста Генри события в Берлине принимают драматический характер – там вспыхнул Капповский путч.

Крупный землевладелец из Восточной Пруссии Вольфганг Капп был в 1918 году избран в Рейхстаг, но он не признавал только что созданную Веймарскую республику и презирал социал-демократов, оказавшихся у власти. Через два года, в начале 1920-го, он решил, что настало время брать власть. Главную роль в государственном перевороте должна была сыграть 2-я морская бригада капитан-лейтенанта Германа Эрхардта. Капитан был сыном пастора, воспитывался в националистическом духе. Эрхардт бросил гимназию и поступил на флот. В начале века участвовал в жестоком подавлении племен в немецких колониях в Юго-Западной Африке.

Его время настало после поражения Германии в Первой мировой. Флот встал на якорь, боевые корабли передавались победителям. И тогда капитан-лейтенант Эрхардт собрал три сотни оставшихся без дела морских офицеров, чтобы сражаться с коммунистами. Так образовалась «бригада Эрхардта», сыгравшая большую роль в политической борьбе в Германии. В этой и без того кровавой борьбе Герман Эрхардт отличился особой жестокостью.

В субботу 13 марта 1920 года, рано утром, бригада Эрхардта в составе трех тысяч человек вступила в Берлин и маршем прошла через Бранденбургские ворота. Его солдаты заняли правительственный квартал. Правительство бежало. Хозяином Берлина стал Вольфганг Капп, провозгласивший себя имперским канцлером и премьер-министром Пруссии. Капп выпустил прокламацию «К немецкому народу!» В ней говорилось, что Веймарская республика не в состоянии остановить угрозу большевизма.

Но армия не присоединилась к Каппу. Возможно, он не был харизматическим лидером. А, может быть, дело в том, что немецкие военные больше всего боятся неповиновения. Они органически не могут выйти из подчинения, нарушить приказ! Большинство государственных служащих тоже не захотели служить Каппу. Его поддержали только крайние националисты. Всеобщая забастовка, объявленная профсоюзами, заставила его отступить. Утром 17 марта Капп заявил, что уходит в отставку, и отправился в Швецию. Капитан Эрхардт бежал в Мюнхен. Его люди после провала путча создали тайную организацию «Консул», которая перешла к прямому терроризму под лозунгом борьбы за «возрождение Германии». Убивали политиков либеральных взглядов и еврейского происхождения.

После Капповского путча, вспоминал один известный немецкий журналист, в школе он увидел, как сосед по парте чертит у себя в тетради какие-то странные фигуры.

– Что это? – спросил он.

– Антисемитский значок. Его носили на касках люди из отрядов Эрхардта. Он означает: «Евреи, убирайтесь вон». Надо знать.

Это была свастика.

Происходящеенисколько не испугало Эрнста Генри. Напротив, он чувствовал страстное желание участвовать в боях за коммунизм: «В начале 1920 года (мне было шестнадцать лет) Берлинский Исполком Коминтерна послал меня нелегально курьером в Москву – через

Ковно, Вильно и Бобруйск, где тогда находилась линия советско-польского фронта. Я имел документы, выданные мне германской Компартией.

В Ковно я связался с подпольной организацией ЦК компартии Литвы и Белоруссии, проследовал в Вильно, где получил шифровку на имя Мицкевича-Капсукаса в Смоленске.

В городе Слуцке я был арестован польской дефензивой, помещен в Слуцкую тюрьму и переправлен в Бобруйскую тюрьму. Документов они при мне не обнаружили, но подвергли избиению. С помощью подпольной Бобруйской организации я был освобожден и переправлен через Березину в расположение советского фронта, откуда проследовал в Москву летом 1920 года».

Упомянутый Эрнстом Генри один из создателей литовской Компартии Винцас Мицкевич-Капсукас возглавил правительство Литовской Советской Социалистической Республики. В феврале 1919 года Литва объединилась с Белоруссией, появилась единая Литовско-Белорусская ССР. Но летом 1919 года ее территорию заняли наступающие польские войска. У создателя независимой Польши маршала Юзефа Пилсудского возникла грандиозная идея создания Восточной Федерации: Польша «берет под свое покровительство» Украину, Белоруссию и Литву. Далеко идущие планы привели его к войне с Советской Россией.

Дефензива, в руки которой угодил Эрнст Генри, – это контрразведывательное подразделение 2-го отдела («двуйка» – разведка и контрразведка) Генерального штаба Войска польского.

Слуцк – небольшой в ту пору городок с преимущественно еврейским населением, находится в ста с лишним километрах от Минска. После революции несколько раз переходил из рук в руки. С августа 1919 года в Слуцке находились польские войска. Очевидцы вспоминали: «Вошли в город одетые с иголочки во все американское и вооруженные на французский манер. Навезли горы разных американских консервов. Принесли с собой идею возрождения великой Польши “от можа до можа” и свой польский гонор. По вечерам солдат приводили на городскую площадь, появлялись ксёндзы, и творилась общественная молитва, после которой разносилось “Еще Польша не сгинела... Наши флаги бялы и червлёны – пшилёна наша польска края”. Весной дефензива раскрыла заговор против польской власти – организацию, которая готовила восстание среди населения при наступлении советских войск, которое ожидалось весной».

В 1920 году Владимир Ильич Ленин рассчитывал, что, если Красная армия через территорию Польши подойдет к Берлину, то в Германии вспыхнет социалистическая революция. В Москве мечтали о соединении русской и немецкой революций. 17 марта Ленин отправил Сталину телеграмму: «Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и спартаковцы завладели частью города. Кто победит, неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтоб иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться».

Так что в Москве были рады видеть Эрнста Генри, отсидевшего месяц в польских тюрьмах, со свежими новостями из Германии. Он сообщил москвичам, что берлинские коммунисты предлагают штаб-квартиру Коммунистического интернационала молодежи разместить в Берлине. Эрнст Генри: «В Москве я несколько месяцев работал в аппарате ЦК РКСМ в качестве секретаря международного отдела, а затем послан обратно в Германию (нелегальное путешествие через Ленинград – Штеттин) на постоянную работу за границей».

А в Москве III съезд комсомола, проходивший 2–10 октября 1920 года, избрал 1-м секретарем ЦК комсомола Лазаря Абрамовича Шацкина. Ему было всего восемнадцать – немногим старше Эрнста Генри. Успел поучиться в гимназии, в 15 лет вступил в партию большевиков, в 1917-м создавал Союз молодежи при Московском комитете партии. Участвовал в Гражданской войне. «В кожаной куртке нараспашку, широкоплечий и довольно высокий, с открытым большим лбом и блестящими глазами, Лазарь Шацкин напоминал собою капитана, отдающего команды резким и звонким голосом, – вспоминали его соратники. – Он казался

властным юношей, верящим в свои молодые силы и непоколебимым в своих решениях». Он был самым популярным из первых вождей комсомола.

Лазарь Шацкий говорил:

– На Западе социалисты давно принимают участие в юношеском движении. Но в России это движение происходило помимо партии, вне всякой связи с нею. У нас партия проглядела это движение.

Он считал, что комсомол самостоятелен и партия не должна им командовать. До поры до времени эти слова сходили ему с рук. Шацкий уговорил Ленина выступить на III съезде комсомола. Именно Шацкий открыл съезд и предоставил слово Владимиру Ильичу, чей доклад «Задачи союзов молодежи» потом будут изучать сменяющие друг друга поколения членов ВЛКСМ. Эту речь Ленина слушал и Эрнст Генри, которого товарищи привели на заседание.

После IV съезда комсомола, который проходил 21–28 сентября 1921 года, Шацкина вновь избрали 1-м секретарем. «Это он придумал комсомол и был его создателем и организатором, – вспоминал Борис Георгиевич Бажанов, который работал в Секретариате Сталина. – Сначала он был 1-м секретарем ЦК комсомола, но потом, копируя Ленина, который официально не возглавлял партию, Шацкий, скрываясь за кулисами руководства комсомола, ряд лет им бесценно руководил со своим лейтенантом Тархановым. Шацкий входил в бюро ЦК РКСМ, а формально во главе комсомола были секретари ЦК, которых Шацкий подбирал из комсомольцев не очень блестящих».

Верным помощником Шацкина стал секретарь ЦК комсомола Оскар Тарханов, прежде состоявший в скаутском движении и сделавший все, чтобы привлечь скаутов в пионерию. Скауты, любители романтики и приключений, появились в начале XX века, поставив перед собой задачу воспитывать отвагу и мужество. Идея создать сообщество юных разведчиков принадлежит канадскому писателю, художнику и естествоиспытателю Эрнесту Сетон-Томпсону. Скауты появились и в России, движение поддержал император Николай II. К 1917 году число скаутов превысило пятьдесят тысяч. В 1924 году скаутов в СССР запретили. А походы, костры, линейки стали ритуалами пионерского движения, существовавшего при комсомоле.

В ноябре 1919 года Шацкий прибыл в Берлин, где находился Эрнст Генри. Он представлял российский комсомол на I учредительном конгрессе Коммунистического интернационала молодежи в Берлине и был избран секретарем КИМ. 30 ноября 1922 года Политбюро утвердило представителей российского комсомола в КИМ: Шацкий, Тарханов, Цетлин, Курелла... Им велели в течение года освоить хотя бы один иностранный язык.

Немца Альфреда Куреллу Эрнст Генри уже знал. Тот стал одним из руководителей Коммунистического интернационала молодежи. Если Эрнст Генри остался в Германии, то Курелла, напротив, в России. Во время Великой Отечественной войны он служил в 7-м управлении (разложение войск и населения противника) Главного политического управления Красной армии.

Альфреду Курелле повезло. Много позже Эрнст Генри узнает, какая судьба постигла первых руководителей Коммунистического интернационала молодежи.

Лазарь Шацкий учился в Институте красной профессуры. Его включили в редколлегия «Правды», избрали в состав Центральной контрольной комиссии. Но в 1929 году он опубликовал статью «Долой партийную обывательщину». Его беспокоило, что в партии доминирует «молчаливое большинство», готовое одобрить любую директиву, спущенную «сверху». Сталин был крайне недоволен: это попытка «превращения партии в дискуссионный клуб». ЦК принял постановление «О грубых политических ошибках тов. Шацкина». Его убрали из «Правды», вывели из ЦКК – «за участие в праволевацкой группировке». Отправили в Ташкент заместителем председателя Средне-Азиатского Госплана и директором Института экономических исследований. Но он не порвал со своими единомышленниками из окружения Николая Ивановича Бухарина, которого Ленин называл «любимцем партии» и которого при Сталине расстреляли.

Шацкий дружил с Яковом Стэнном, образованным партийным философом. Стэн, будучи заместителем директора Института Маркса и Энгельса, призвал молодежь к интеллектуальной самостоятельности: «Каждый комсомолец должен на своём опыте проработать серьёзно все вопросы и таким путем убедиться в правильности генеральной линии нашей партии. Только такая убежденность, приобретённая на собственном опыте, путём самостоятельного продумывания всех основных вопросов, может иметь вес и ударную силу в практической деятельности. Без этого условия практическая деятельность превращается в “службу”». Стэн лишился должности, был арестован и расстрелян. Та же судьба ждала и Шацкого. В 1935 году его арестовали, дали пять лет тюрьмы. А в 1937 году расстреляли.

А Ефима Цетлина включили в Исполком Коммунистического интернационала молодежи и командировали в Германию поднимать революционное движение. Немецкая полиция его арестовала и выслала в СССР. Его взяли в ленинградский партийный аппарат, где началась кадровая чистка – убирали людей поссорившегося со Сталиным члена Политбюро Григория Зиновьева. Цетлин руководил отделом в райкоме ВКП(б). После возвращения в Москву работал у члена политбюро Николая Бухарина – в секретариате Исполкома Коминтерна. В мае 1929 года его перевели в наркомат тяжелой промышленности – заместителем начальника научно-исследовательского сектора.

В 1933 году Цетлина арестовали – по делу его друга Александра Николаевича Слепкова, первого ответственного редактора «Комсомольской правды». Слепков принадлежал к тем, кто считал, что Сталин «надел намордник на партию». На следующий год Цетлина освободили и отправили работать на Уралмаш – заведовать Бюро технического обслуживания, а через два года вновь арестовали. Теперь выбивали показания на самого Бухарина.

Цетлин подписал протокол допроса, в котором сказано: Бухарин подобрал группу бывших эсеров-боевиков, чтобы убить Сталина... Сотрудничество со следствием Цетлину не помогло. В июне 1937 года его приговорили к десяти годам лагерей, а в сентябре – уже без суда – решением Тройки (начальник Управления НКВД, местный партийный секретарь и прокурор) приговорили к смертной казни и расстреляли.

Зато Москва пыталась вытащить из немецких тюрем попавших туда коммунистов.

Макс Гельц был одним из руководителей вооруженного восстания в Германии в марте 1921 года, за что его и посадили. Председатель Исполкома Коминтерна Григорий Зиновьев обратился в Политбюро: «Тов. Макс Гельц (член Компартии Германии) перенес две голодовки в тюрьме. Смертельно болен. Есть основание думать, что германское правительство отпустило бы его в Россию, если бы об этом попросили». Сначала в ЦК намеревались использовать межгосударственные контакты. Подготовили текст письма наркому иностранных дел Георгию Васильевичу Чичерину и полпреду в Германии Николаю Николаевичу Крестинскому с поручением «в полуофициальном порядке нажать на германское правительство в целях освобождения из тюрьмы и отправки в Россию коммуниста М. Гельца». Потом решили действовать через Коминтерн.

Политбюро 21 сентября 1922 года поручило «русским делегатам в Коминтерне через германскую коммунистическую партию предложить немецкой с.-д. партии ввиду ужасного положения, в котором находится Макс Гельц, обменять его на Тимофеева». Евгению Михайловичу Тимофееву, члену ЦК партии правых эсеров, в августе 1922 года вынесли смертный приговор. Смертную казнь заменили тюремным заключением. Но обмен не состоялся. Евгений Тимофеев так и остался за решеткой. В сентябре 1941 года его расстреляли. А Макса Гельца в 1928 году выпустили. Он уехал в Советский Союз, женился на студентке Московского энергетического института Аде Пугавко. Один из ее сокурсников академик Александр Ефимович Шейндлин вспоминал эту яркую и живую молодую женщину. В 1933 году Макс Гельц, купаясь в Волге, утонул. «По слухам, – писал академик Шейндлин, – его смерть не была случайной». Его вдова вышла замуж за одного из братьев Тур. Это был псевдоним популярного в ту пору драматургов,

лауреатов Сталинской премии – Леонида Давидовича Тубельского и Петра Львовича Рыжея. После смерти Тубельского Петр Рыжей продолжал сочинять пьесы вместе со своей женой Ариадной Сергеевной Тур. И Эрнст Генри, вернувшись в Москву, увидит снятый в 1969 году по их сценарию художественный фильм «Посол Советского Союза» – об Александре Михайловне Коллонтай, которая в нашей стране стала первой женщиной-министром, а потом и первой женщиной-послом.

А пока что Эрнста Генри вновь отправили в Берлин. Лазарь Шацкин поручил ему передать руководителям немецкого комсомола, что, несмотря на важнейшую роль германских коммунистов, руководство Коммунистического интернационала молодежи все-таки останется в Москве.

Теперь Эрнст Генри вступил в германскую Компартию, которая неустанно готовила революцию. После Первой мировой войны коммунисты получили много мест в ландтагах (местных законодательных собраниях) и чувствовали себя уверенно. Партия, в которой состояли 350 тысяч человек, провела 14 депутатов в Рейхстаг и 57 в ландтаги.

Эрнст Генри работал в отделе печати ЦК КПГ и в редакции главной партийной газеты немецких коммунистов *Die Rote Fahne* («Красное знамя»): «Я почувствовал, что хочется писать еще и еще. Рука сама тянулась к бумаге, не писать я уже не мог».

Немецкие коммунисты опирались на солидную систему партийной печати – 33 ежедневных газеты. Эрнст Генри вспоминал: «В 1922 году был снова послан в Москву в качестве корреспондента “Роте Фане” (с нелегальным паспортом – все это время я находился в подпольном положении). Совершил путешествие Москва – Донбасс – Ростов – Баку (где видел покойного товарища Кирова) – Тбилиси и оттуда под видом советского дипкурьера поехал в Анкару, где присутствовал на подпольном съезде турецкой Компартии».

В сентябре 1920 года группа турецких социалистов создала в Баку Коммунистическую партию Турции и провела первый съезд. Дома они собраться не могли. В августе 1922-го состоялся второй съезд. А через месяц Компартию запретили, и всех заметных коммунистов арестовали. Эрнст Генри вернулся в Советскую Россию.

Еврейский Ренессанс

Эрнст Генри не узнавал Москву. Революция перевернула всю российскую жизнь. Временное правительство отменило все сословные, вероисповедные и национальные ограничения. Его земляка Марка Шагала назначили комиссаром по делам искусств Витебской губернии.

Полина, старшая сестра Эрнста Генри, познакомила его с целым созвездием живописцев, чей талант поражал современников и чье наследство бесценно. Эти художники, сокрушавшие все и всяческие авторитеты, традиции и каноны, свободно экспериментировали, не обращая внимания на то, что прежде считалось обязательным с точки зрения формы и содержания.

Современному человеку непросто постичь подлинные обстоятельства первых послеоктябрьских лет.

Старый порядок рухнул. А в новой жизни – никакой цензуры и запретов, все разрешено и позволено! Это было время больших экспериментов – в политике, экономике и интимной жизни. Одни восторженно считали это революцией, другие – брезгливо – декадентством. Одни были благодарны переменам – их избавили от страха проявить свои искренние чувства, позволили быть самими собой, обрести счастье! Другие с ненавистью говорили: ваша свобода – это свобода извращений и распущенности! Менее талантливые завидовали и обижались.

Полина Хентова еще до Первой мировой училась в Брюсселе в Королевской академии художеств. Вернулась в Москву. После революции начала выставлять свои работы. Потом вместе с братом через Киев уехала в Берлин, оттуда перебралась в Париж. Ей пришлось трудно. Зарабатывала на жизнь тем, что делала кукол, снималась в кино, писала портреты на заказ. А потом пришло признание – ее оценили как графика и книжного иллюстратора. Много заказов пришло из Англии.

Полина следила за тем, что происходило в художественном мире России, делилась впечатлениями с братом. В России, вздыбленной и бурлящей, приветствовали пафос обновления, признав модернизм революционным искусством. Новые работы отразили шквал революционного урагана, период прямой, фронтальной борьбы за революцию. Искры революционного пожара распространялись повсеместно, и накопленные запасы взрывчатого материала детонировали. Удивительно ли, что пламенный революционный поток увлек за собой и, казалось, далеких от революции людей – художников, которые почувствовали гигантские возможности для своего искусства. И среди этих художников очень заметны евреи, которые со всей страстью ввязались в битву за преобразование жизни и искусства, о чем впоследствии многие пожалеют. Но кому в 17-м году была введома их судьба?

Линия борьбы обнажилась. Страна разделилась на два непримиримых лагеря. За или против, по ту или другую стороны баррикады – третьего не дано. В этом столкновении двух миров все силы обращены на борьбу – нет быта, нет будничности, нет интимности. «Или мы победим вошь, или вошь победит социализм». Эта тема разворачивается в эпическое полотно таких масштабов, которых не знало до того советское искусство.

Вот почему старался быть полезным и нужным новой жизни художник-супрематист Илья Чашник. Участвовал в оформлении революционных праздников. Невероятно изобретательный, занялся техническим, промышленным и архитектурным дизайном. Предложил супрематические орнаменты для текстиля и обоев. Разрабатывал эскизы для работ по окраске зданий в Ленинграде, подбирая цвета, подходящие для новостроек. Работал на фарфоровом заводе художником-композитором – расписывал чашки и сервизы. Но все это отвлекало его от занятий супрематической живописью.

Илья Чашник родился в 1902 году в Витебской губернии – по соседству с талантливым живописцем Марком Ротко и великим актером Соломоном Михоэлсом. Восьмой ребенок в бедной семье. В 11 лет начал работать. А в 15 лет пошел в Школу рисования и живописи Юделя

(Иегуды) Пэна, через которую прошли и Марк Шагал, и Эль Лисицкий, и Полина, сестра Эрнста Генри, и многие другие художники, появившиеся на свет в Витебске и его окрестностях.

В Полину был безнадежно влюблен Эль Лисицкий. Выдающийся художник-авангардист, он искренно и увлеченно стремился сказать в искусстве новое слово в уверенности, что все старые уже сказаны и бессмысленны.

Родители юного Лазаря Лисицкого переехали в Витебск, и это была судьба. Здесь он пошел учиться в Школу рисования и живописи художника Юдея Пэна. Главное в его наследии – живопись на еврейские темы. Эль Лисицкий считал своим долгом способствовать возрождению еврейского искусства. Он открыл мастерскую графики, печати и архитектуры. В нее сразу записался Илья Чашник. Эль Лисицкий пробовал себя в разных жанрах – график, иллюстратор, архитектор, фотограф, дизайнер... Писатель и историк искусств Николай Иванович Харджиев вспоминал: «Он влюбился в художницу Хентову. Она выставлялась с “Миром искусства” и в других местах. Невероятно красивая женщина – ослепительная блондинка... Она была модница, прекрасно одевалась, вся в мехах, не знаю, откуда брала средства. У меня есть фотография – она вся в мехах стоит около работы Лисицкого... Она бы и сейчас была прелестна – такие белокурые локоны. Он был в нее безумно влюблен, а она к нему совершенно равнодушна, может быть, только ценила как художника. Она сама была художницей. Он из-за нее стрелялся, прострелил себе легкое и потом из-за этого болел всю жизнь. Об этом никто не знает, мне это рассказала жена Лисицкого Софья Кюпперс. Хентову трудно было представить женой Лисицкого, он маленький, а она шикарная женщина».

С 1935 года Лисицкий – главный художник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Он прожил недолго, умер от туберкулеза в декабре 1941 года. Его последняя работа – плакат «Давайте побольше танков».

В ноябре 1919 года в Витебск переехал Казимир Малевич, создатель супрематизма – важнейшего направления авангарда – и открыл мастерскую. Своих учеников Малевич объединил в группу «Уновис» («Утвердители нового искусства»).

Илья Чашник стал преданным учеником Малевича. Супрематисты острее других сознавали, что мир стремительно меняется, он говорит на ином языке и обретает иные формы. И считали наиважнейшим цвет. Из всех цветов Чашник предпочитал черный: «Черное – величайшее состояние беспредметности. Неизвестно, для чего, почему и зачем человеческое существо живет. Это доказывает беспредметную суть человеческого бытия, которое лишь поставлено в определённые условия своего существования или действия, проявляет себя тем или иным образом и во всех препятствиях существующего мира видит смысл или цель. Но это заблуждение». Илья Чашник ушел из жизни совсем молодым – в 27 лет. Он скончался от перитонита после неудачной операции по удалению аппендикса в 1929 году.

Художники единодушно исходили из посылки, что старое искусство насковозь прогнило и революционному народу может только повредить. Это был постулат, из которого исходили – с некоторыми оговорками – очень многие деятели того времени. Каждый считал, что он обладает если не всей истиной, то большей ее частью. Шли мучительные поиски, и никто из деятелей искусств не владел всей истиной и владеть не мог, хотя и пытался порою убеждать и себя, и других, что владеет.

Эль Лисицкий писал в статье «Искусство и пангеометрия»: «В период с 1918 по 1921 год выброшено много старого хлама». Его плакат «Клином красным бей белых» – хрестоматийное произведение той эпохи. Геометрия обрела символический характер. В искусство привнесены высокая патетика революционных битв, огневые лозунги борьбы, пламя революционной страсти. Мечта – поразить человечество своими достижениями, превратить Москву в столицу мирового искусства.

Своим долгом участвовать в создании «Еврейского общества поощрения художеств» считал еще один выдающийся мастер – Натан Альтман. Он много рисовал на библейские темы.

Натан Альтман родился в 1889 году в Виннице, в бедной еврейской семье. Когда ему было четыре года, отец умер от скоротечной чахотки. Натан поступил в Одесское художественное училище. С современным искусством он познакомился в Париже. И сразу же оказался в кругу самых заметных живописцев. Критики отмечают его феноменальную природную чуткость, редко встречающийся врожденный профессионализм, безукоризненную артистичность и элегантность. Натан Альтман восторженно принял советскую власть. Рисовал Ленина: его даже одно время считали «придворным художником».

Альтман оформлял спектакли Государственного еврейского театра. Критики высоко оценили его работу в театре-студии «Габима», где ставил спектакли Евгений Вахтангов. Соединение новой живописи с новым сценическим искусством завораживало. Весной 1928 года вместе с Еврейским театром Натан Альтман отправился на гастроли в Европу, где остался на несколько лет. Он писал пейзажи и натюрморты, в которых ощутимо влияние импрессионизма. А в 1935 году вернулся в Советский Союз. И... ушел в менее заметные жанры – занялся книжной графикой. Ситуация изменилась. Теперь уже его эстетические пристрастия и творческая манера вызывали сомнения и подозрения у идеологического начальства.

Марк Шагал быстро осознал, что такое советская власть, и в 1922 году вместе с семьей перебрался в Литву, оттуда в Германию и, наконец, в Париж, где остался и получил французское гражданство. В 1940 году немецкие войска, разгромив французскую армию, оккупировали страну. Началась охота на евреев. Французская полиция и коллаборационисты всячески помогали оккупантам. Марку Шагалу повезло: в 1941 году его пригласил Музей современного искусства в Нью-Йорке. Это спасло ему жизнь. Но Шагал остался верен Парижу, куда и вернулся после войны, в 1947 году. Со временем он сменил жанр – увлекся мозаикой, витражами, скульптурой, керамикой. Его попросили поработать над зданием кнессета в Иерусалиме. Работа имела невероятный успех. И его стали просить оформить синагоги и христианские храмы в разных странах...

«Это была эпоха революции, – вспоминал Наум Габо, – и настоящая революция, во время которой мы до сих пор живем, была начата художниками и учеными... Толпы шумели и негодовали, но коллективное сознание уже было потрясено. Даже не желая того, не осознавая, люди воспринимали сделанное художниками и учеными». Для Наума Габо история его народа имела особое, мистическое значение. Он часто говорил о том, что его предки когда-то попали египтянам в рабство и лепили скульптуры фараонов. Зов предков через тысячелетия заставил Наума Габо стать скульптором. Он вернулся в Россию в 1917-м после Февральской революции. А в 1922 году, как и Марк Шагал, не выдержал и тоже уехал. График и блестящий портретист, он прославился своими театральными декорациями. Особенно теми, что украсили постановки Сергея Дягилева, создавшего в Европе русскую балетную труппу и совершившего революцию в балете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.